

Дорогая Л.

*Что если мир — иллюзия и ничего в нем нет? Тогда я определенно переплатил за ковер.
(Аллен Стюарт Кёнигсберг).*

**Мисс Л. Бергер
5 Третья Авеню
Нью-Йорк
США**

Дорогая Л.!

Я очень рада против всех сомнений и опасений, которые высказывала тебе в последнее время. Страхи мои развеялись, рука дрожит от спешки, и почерк хуже некуда. Из окна автомобиля я наблюдаю всю эту сумятицу, которая творится в порту: толпы прибывающих и отбывающих пассажиров, держащихся за ограждением, высовывающихся за затёртые линии и сливающихся в единую пёструю массу – вращающихся, упрямых потоков, стремящихся в строго определённом направлении и вихляющих, как тропическая анаконда. Гружёные огромными кожаными чемоданами железные тележки громяют, и верёвки с подвязанным к ним грузом скрипят от натяжения, словно вот-вот выронят свою ношу на наши бедные головы. К счастью, густой чёрный дым, валящий из труб пароходов, относит в сторону, и со своего места я могу обозревать океан почти беспрепятственно. И, – о, Боже, – я снова дышу этим воздухом – солёным и горьким, насыщенным восторгом, которым впору задохнуться. Меня охватывает волнительная озабоченность, и сердце стучит в ускоренном темпе от предвкушения скорого отправления.

Но всё по порядку. Сначала посадка – процедура утомительная, требующая больших затрат терпения. Виктор торопит меня, но, клянусь, я не выпущу из рук ни блокнота, ни карандаша, иначе – ты же знаешь, какая я растяпа, – могу что-нибудь упустить. Я не умею ничего приберечь на потом, ничего надолго не задерживается в моей памяти. Мне обязательно нужно всем делиться – здесь и немедленно. И это в наш-то век, когда изобретён телефон и письму дана решительная отставка, я прибегаю именно к этому старому доброму способу упорядочить всё, что приходит в голову. Иначе стоит мне открыть рот, как мысли становятся непоследовательными, а слова гонятся за ними и не могут угнаться. Они сыпятся, как из ахелоего рога, сметая с пути всё мало-мальски значимое и наполняя уши пустословием.

Моя милая! Отчего нельзя всё разделить пополам? Ты могла бы поехать со мной. Но по причине крайней нетерпимости к переездам предпочитаешь изучать сей опус, сидя в любимом кресле поздно вечером при скудном электрическом свете, сочащемся сквозь плотный жёлтый абажур той самой лампы, которую я так не могу терпеть. Но даже сейчас, когда с часу нашего расставания не прошло и нескольких дней, я вспоминаю это подбоченившееся пугало, увешанный мелкими кистями китайский горшок, этот реликт, ставший надёжным прибежищем моли, с особой теплотой. Я тут, а ты – там, бесконечно тоскующая. Но уверяю, наше расставание – ничтожный повод для грусти. Тем более что и моё положение ничуть не лучше: пускаться во все тяжкие в компании сноба и безбожно транжирить папочкины деньги под неусыпным оком скряги.

Виктор – англичанин, и этим многое сказано. Эта национальная страсть к накопительству у него в крови, в то время как я не привыкла считаться ни с какими тратами ввиду вседозволенности и избалованности, которыми меня испортили в детстве.

Ах, это моя вина, что теперь ты думаешь о Викторе плохо. Даже хуже, чем он того заслуживает. Но смягчись, сердце моё: его жадность происходит оттуда же, откуда все папочкины связи в лондонской конторе, и если бы не они – по крайней мере так полагает мой сверх меры щедрый родитель, – я так и осталась бы старой девой до скончания века.

Виктор не плох, совсем не плох. Умерен во всём. В росте, в комплекции, в характере, даже в длине волос на голове, если это имеет для полноты твоего суждения о нём хоть какое-нибудь значение. Он прям, как мне кажется, обходителен, в меру умён, умеет поддержать разговор, хотя и избегает публичности. Он выпячивает себя ровно настолько, насколько нужно, чтобы его заметили те, к кому он имеет непосредственный интерес, и не обратили внимания те, кто имел бы интерес к нему. Он коммерсант, чья вся общительность сводится к обоюдной полезности. Его благоразумие компрометирует, разве что, женитьба на мне. Боюсь, он ещё в полной мере не представляет, с кем связал его случай, и видит во мне этаким золотой флюгер, подверженный воздушным атакам и поворачивающийся туда, куда толкнёт его ветер. Но в отличие от последнего, мои ноги не прикреплены намертво к шпилью, и обыкновенно несут туда, куда устремляется моё непоседливое сердце. Наверное, меня бы совершенно сдуло куда-нибудь подальше за океан – в Австралию или Сибирь, если бы мои заботливые родственники не привязали ко мне изрядный балласт, совершенно успокоенные тем, что жизнь моя наконец-то устроилась.

Мой сладкий Виктор! Он так боится опоздать! Он уже трижды спрашивал, захватила ли я билеты, и мне трижды приходилось открывать ридикюль, чтобы удостовериться в этом самой. Каждый раз я засовывала блокнот и карандаш под мышку, чтобы не выронить, иначе лишусь единственного развлечения.

Стоило выйти из авто, как какая-то женщина помахала мне из толпы рукой. Она обозналась, и поздно осознав оплошность, отвернула лицо. Какая дурочка, ей-богу!

Пассажиры погружаются на борт «Вудбери» так медленно, что впору сесть за роман. Кажется, кто-то впереди потерял багаж – носильщики носятся взад и вперёд, как угорелые. Я ничего не могу разобрать среди целого моря голов, разлившегося передо мной и сузившего кругозор до нескольких аккуратно подбритых мужских затылков да женских шляп в духе Мэй Кларк.

Теперь-то я держу билеты в руках. Я заложила ими страницу. Если Виктору будет угодно ещё раз справиться, я предъявлю их как доказательство собственной ответственности. Я рискую их потерять на самом деле. Но эта мысль раздражает меня куда меньше, чем его постоянные расспросы.

Всё идёт прелестно, и скоро – так скоро, что просто не верится, – мы выйдем из порта Нью-Йорк и пересечём Атлантику. Как же я соскучилась по приключениям! Моя душа рвётся на свободу. Я отправляюсь в страну, о которой имела счастье только слышать, и где, клянусь, буду вспоминать о тебе каждую минуту. Если память не подводит меня, ты родилась в Швейцарии, прямо у подножия дивных красотой Альп. А потом имела неосторожность покинуть этот райский уголок, влекомая чудесами Нового Света. Что ж, большинство из нас гонится за чем-то, чей неясный образ маячит на горизонте и на первых порах кажется недостижимым. Но в итоге каждый получает то, что заслуживает своим упрямством. О, моя дорогая, ты заслуживаешь быть обласканной судьбой, ведь ты так молода и талантлива. Придёт день, когда ты перестанешь пришивать новые рюши к старым платьям провинциальных модниц и откроешь свой маленький магазин. Он принесёт тебе известность, и, возможно, станет делом всей твоей жизни. Ты сделаешь себе имя, заведёшь семью и дюжину детишек, но никогда, – слышишь? – ты не изменишь нашей дружбе, потому что даже в этом зыбком мире, где каждый, задавленный обстоятельствами и прогнанный под тяжестью ежедневных забот, хранит в себе нечто

твёрдое и непоколебимое. Ты будешь любить меня так, как люблю тебя я, – этой щемящей, изматывающей душу запретной любовью. Всегда!

Нам наконец доставили багаж, и всех провожающих попросили покинуть палубу. Почти все пассажиры разбрелись по своим каютам и лишь немногие остались стоять, наблюдая отплытие. Ответственный момент: сейчас я сделаю то, что делаю всегда – брошу монету в воду, чтобы привлечь удачу...

Пустоверие, но каков эффект! Одна из крикливых чаек, низко парящих в небе, спикировала вниз и, перехватив пенни, бросилась прочь! Я и глазом не успела моргнуть! А, впрочем, я не верю в приметы. Ты же знаешь, я совершенно бесчувственна к событиям, предвещающим неудачу. Это перечит моему нраву. У берегов Гаити я собственными глазами видела, как матросы потрошат на палубе только что выловленную рыбу. Острыми ножами они взрезают ей брюхо и отсекают голову одним точным ударом. Крови столько, будто в жертву принесли ягнёнка. Они вымакивают её тряпкой, которую потехи ради кромсают на части этими самыми ужасно острыми ножами и подбрасывают вверх. Что ты думаешь? Эти морские стервятницы набрасываются на них с душераздирающими криками. Они проглатывают свою добычу, так как их крохотные желудки на деле могут переварить всё, что угодно!

Совершенно очевидно, что блеск одноцентовой монеты, привлёкший птицу, был ошибочно принят за отблеск чешуи какой-нибудь мелкой рыбёшки, на свою беду выпрыгнувшей из воды.

Так или иначе, дар мой принят стихией, и я нахожусь в превосходном расположении духа.

Несколькими часами позже. Капитан Биллингтон – обаятельнейший мужчина. Он поцеловал мне руку и, узнав моё имя, назвал второй Нэлли Блай¹. Это лучшая похвала, которую мне приходилось слышать. Но, увы, вынуждена признать, что подвиг этой женщины несравнимо больше моих скромных достижений. Он спрашивал меня, поклонница ли я Жюля Верна, и я выразила согласие, возможно, с немного преувеличенным воодушевлением, от чего бедняга тут же проникся ко мне неподдельной симпатией. Представь себе, он прочитал несколько статей, опубликованных в «Нью-Йорк Таймс» о моём путешествии в Алжир и Марокко, вплоть до безводной Сахары в компании диких берберов. (Хотя, ты и сама знаешь, что все эти экспедиции не имели ни малейшей научной ценности, а носили исключительно развлекательный характер.) И, да, я та самая Фиона Уотс, бесстрашная Фиона Уотс, не убоившаяся ни холода, ни зноя, ни жгучего ветра, покорительница безводных саванн и исследовательница морских глубин. После его слов моя скромность получила серьёзную пробоину, а многословие дало течь. Всё моё самообладание пошло ко дну, и я рассыпалась в благодарностях, получая взамен всё больше и больше комплиментов.

Бедный Виктор! Кажется, он совсем потерялся в лучах моей славы. Тишайшая Л.! Между нами, ты подошла бы ему гораздо больше, если бы упорство моей родни не сломило то упрямое сопротивление, которое я оказывала браку. Я не влюблена, вовсе нет. В мои годы смешно потерять голову. Но рассматриваю брак только как взаимовыгодное партнёрство, способное облегчить совесть и отдать дань устаревшему в современном мире понятию дочернего долга. Мне сорок два. А на семейном древе полным-полно усохших ветвей, которые никогда не плодоносили (включая мою тётушку Розалию, троюродную сестрицу Эстер и дядюшку Стенли, который, будучи ещё молодым, свалился с крыши и повредил позвоночник). Так что вся моя родня спит и видит меня сюсюкающей и качающей на руках единственного наследника рода Уотсов. Стоило им упомянуть о

---

¹ *Нелли Блай (1864 – 1922)* – творческий псевдоним американской журналистки Элизабет Джейн Кокрейн, совершившей кругосветное путешествие за 72 дня.

чём-то подобном при моей несчастной кузине, как она доставала, Бог знает откуда, свой знаменитый клетчатый платок, комкала его, громко сморкалась и снова комкала. Отвратительная привычка! Она и по сей день являет собой классический пример стародевичества, когда некая милая, в меру стеснительная особа с годами превратилась в закалённую кочергу. Теперь же она имеет порядочный доход от табачной фабрики, что делает её уважаемым членом общества. Другими словами, из позора семьи она мало-помалу превратилась в нечто терпимое, чего нельзя сказать обо мне.

Увы, я так и не стала членом Королевского географического общества, а моё увлечение путешествиями единогласно признано «опасным и ставящим под угрозу будущность всей семьи». Как понимаешь, мне не было бы прощения, не выйди я замуж. И, поскольку положение моё столь зависимо финансово от благосклонности патриархов, я решила на этот шаг из корысти, в надежде получить кругленькую сумму в качестве приданого и приличное содержание, аккуратно выплачиваемое каждый год за день до Дня Благодарения и торжественного парада на 34-й улице. Признаюсь, впоследствии мои надежды оправдались с лихвой, и теперь я обладаю достаточным капиталом, чтобы организовать дюжину экспедиций в самые отдалённые уголки планеты.

И теперь, казалось бы, выполнив со своей стороны все обязательства, я самым грубым образом вторглась в сферу грёз моих драгоценных родителей и разрушила их видение идеальной жизни. Я не собираюсь и дня просиживать дома, как положено всякой приличной домохозяйке, но намереваюсь ввязаться в очередную авантюру. Ибо, выражаясь словами классика: «Удел мой – скитаться в песках»².

Да, но теперь-то я не одна. Со мною Виктор в роли сдерживающей силы. С ним я делаюсь чуточку благоразумнее, и на сей раз нас ожидает скорее романтическое приключение, нежели трудный переход. Ты можешь решить, что я стараюсь угодить ему, ведь он младше меня на целых двенадцать лет! Признаться, приобретая его (а иначе это и назвать нельзя), я выкупала свободу. Конечно же, это сделано вовсе не для того, чтобы произвести на свет наследника, ведь я и так *обзавелась* им без лишних хлопот. После моей смерти Виктору достанется всё моё состояние, изрядная часть которого (если не всё оно) к тому времени будет истрачена. И, представь себе, он относится к этому с пониманием, таким редким для человека его склада. Он смотрит на меня с восхищением ребёнка, что даже мне иногда приходит в голову мысль о том, что под толстой кожей расчётливости и здравомыслия прячется почти задушенный бродяга, такой же легкомысленный, как я сама. Жаль, я питаю страсть только к приключениям. Ни одному мужчине не удалось завоевать мое сердце, но, невзирая ни на что, я отношусь к этому мальчику вполне благосклонно.

Было бы жестоко с моей стороны превращать этакую светскую болтовню в судовой журнал, иначе, я всерьёз опасаясь, что ты помрёшь со скуки, если это письмо станет чересчур подробным. Достаточно и того, что я в нескольких словах опишу предстоящий маршрут, дабы ты мысленно представила его и, умножив на время, проведённое в дороге, не пеняла мне за длительное молчание.

Итак, покинув Америку, мы минуем Азорские острова, и, подойдя к противоположному берегу, высадимся в Аркашоне. Там мы сядем на поезд до Бардо, отправимся в Тур и Орлеан, где совершим небольшую велосипедную прогулку вдоль набережной Луары, и, наконец, достигнем Парижа тем самым способом, каким ранее переправляли только уголь и известняк. Bravo гениям, чья научная мысль пересадила всех нас с лошади на локомотив, и ещё тем, чьи думы устремлены в небо! Помяни моё слово, близок час, когда воздухоплаванье станет общедоступным удовольствием.

Что же дальше? Страсбург! С его дворцами и величественными соборами, сошедшими со страниц готических романов, и, конечно же, Гранд-Иль, опоясанный лазурными водами реки, изрядно обмелевшей в это время года. Паром доставит нас до центра города

---

² Ан-Набига Аз-Зубьяни.

и обратно, где мы с Виктором планируем задержаться на несколько дней перед поездкой в Женеву. Там мы возьмём напрокат автомобиль, чтобы наши руки были развязаны, и мы как можно скорее достигли цели всего путешествия – маленькой деревушки Бергдорф у подножия швейцарских Альп. Мы пробудем там с середины лета до начала осени, чтобы восстановить истраченные силы перед триумфальным возвращением в Нью-Йорк.

Сойдя на берег, я отправлю тебе это письмо из первого же почтового отделения.

Целую твоё хрупкое, костлявое плечико,

неукротимая Ф.

**Мисс Л. Бергер
5 Третья Авеню
Нью-Йорк
США**

Дорогая Л.!

Здесь всё именно так, как ты описывала. Благо, я переношу любую дорогу прекрасно, и ничто – ни морская болезнь, ни длительные переезды, ни утомительные пешие переходы – не омрачили впечатления об увиденном. Наоборот, после торопливой суеты вокзалов, поскрипывания телег на старинных улицах, ненавязчивого шепота ветхих зданий музеев переходящего в обыкновенный городской галдёж, ярких вывесок модных магазинов и выкриков ресторанных зазывал, бесконечной тряски по неровным дорогам я вдруг переступила черту, отделяющую одну вселенную от другой. Здесь, в этом буколическом царстве, нет культурной жизни в нашем обыкновенном понимании, но даже оказавшись в такой глуши, ты не чувствуешь лишения. Само по себе это уже удивительно! Резко очерченные горные пики; щедро орошаемые солнцем зелёные луга с крупными кляксами цветов – броскими, как восточная джеллаба; хрустальной чистоты озёра, обрамлённые пышными зарослями сосен и рододендрона... Имей терпение, Фиона Уотс, и уже к началу августа ты увидишь, как зацветает розовый вереск!

Вальяжно развалиясь, на траве почивают пятнистые коровы, а глухой звон привязанных к их шеям колокольчиков отгоняет слепней. Заунывная пастушья песнь разливается вдалеке, и ей вторит неповоротливое эхо, отсекая от строчек то, что ему не удаётся запомнить.

О, моя дорогая, тебе хорошо знаком этот край, и одно только упоминание о нём рождает в груди чувство ностальгического упоения и светлой грусти. Я же человек иного толка, и боюсь, через недельку-другую эта совершенная идиллия мне наскучит. Что тогда делать? Куда податься?

Я выражаю опасения заранее, и, как надеюсь, зря. Нынче же, переступив порог сказочной страны, умиляюсь всему, что встречаю по дороге. Прочь дурные мысли, толкающие на путь очередного безрассудства! Прочь ненасытную тягу к бродяжничеству! Уж лучше я расскажу тебе о гостинице, в которой мы поселились: стены её из марципана, окна из тончайшей карамели, а внутри пахнет ванилью. Ты улыбаешься, покачиваясь в своём кресле, а я ничуть не преувеличиваю. В ней сдаются всего три спальни, и надо ж такому случиться, мы с Виктором – пока единственные постояльцы. Прочие ожидаются к концу июля. Такое уединение мне не по душе, но что поделать? Каждый вторник сюда наведывается почтовый автомобиль, чтобы забрать корреспонденцию и доставить свежую прессу. Представь себе, здесь никто не читает американских газет!

Другими словами, смерив гордыню, я отдаюсь на милость природы. Пусть развлекает меня эти дни она или же начинка винного погреба, расположенного тут же, внизу.

К слову, перед гостиницей разбит уютный садик. Вытянутые головки львиного зева чинно кланяются пышной поросли многоцветной виолы, а там, вдали, минуя несколько

безлесных, покрытых сочной травой участков, виднеется несколько одиноко стоящих деревьев. Это сосны. Говорят, они растут в горах так медленно, что некоторые доживают до весьма почтенного возраста в четыреста, а то и пятьсот лет! Даже отсюда я могу наблюдать, что это – гиганты, которых не встретишь в наших краях. Кто-нибудь да нашёл приют в их кронах, и, расположившись под ними, я надеюсь насладиться птичьим щебетом во время недолгого привала после лёгкой пешей прогулки.

Кажется, я снова забегая слишком далеко, удаляясь от так любезно предоставленного нам крова, а тебе хочется узнать, как мы устроились.

Внутри этот пряничный домик ничем не хуже, чем снаружи. Даже лучше. На первом этаже его расположены просторный гостиный зал и столовая, кухня и комнаты для прислуги. На втором – комнаты для постояльцев. Всё обставлено со вкусом, без выдающихся углов, с перламутровыми вставками – прикроватные тумбы, столы, кресла, кровати и даже деревянные рамы огромных, в человеческий рост зеркал грешат ими. От белоснежных простыней веет альпийской свежестью, а уголки наволочек – ах, ты просто не поверишь, – отделаны кружевом! Из окон открывается чудесный вид на широкие пастбища и горные склоны. Должна признать, здесь преугодно.

Ты спросишь, кто же владевает в этом сказочном месте? Кто заманивает сюда усталых путников, ищущих душевного покоя? Может, это – злобная старуха, хромяя и кривая, с растрёпанными, торчащими во все стороны волосами, опирающаяся на клюку; ведьма, напускающая чары, чтобы усыпить бдительность случайного странника и сварить его в огромном, закипающем на огне котле? Увы, я разочарую тебя. Фрау Кох – благовидного вида женщина лет пятидесяти пяти, на чьей голове каждый седой локон уложен с завидным тщанием. Она носит строгое чёрное платье, свидетельствующее об утрате. Как на мой взгляд, утрате такой давней, что некоторые её привычки напоминают стародевические причуды (уж в чём, в чём, а в этом я разбираюсь превосходно). Почти все её пальцы унизаны кольцами и массивными перстнями, а на шее болтается с дюжину всевозможных украшений – от нитей чёрного индийского жемчуга, агатовых ожерелий, серебряных цепочек с подвесками или без, до круглых позолоченных часов. И всё это невообразимое разнообразие, дополненное сразу несколькими дешёвыми латунными брошками и роговым гребнем, сразу же бросается в глаза. Оно одновременно завораживает и приводит в недоумение, как китайский глотатель мечей на арене цирка.

Кажется, фрау Кох несколько насторожил мой заинтересованный взгляд, так как она приветствовала нас в самой сдержанной манере. Её улыбка, казалось, входила в обязательный перечень предоставляемых услуг. А впрочем, у неё удивительно ровные зубы, без малейшего изъяна, что делает даже совершенную формальность приятной.

Уж поверь моему опыту, не только в человеке, но и в каждом доме имеются свои странности. Это может быть что угодно: сплошная кирпичная кладка за запертой на ключ дверь; заколоченное окно, выходящее в обособленный, заросший сорняками уголок сада; лифт, никогда не останавливающийся на тринадцатом этаже по пятницам. Единственной странностью нашего временного жилища является его обслуга. С виду довольно обыкновенная и хорошо вышколенная, но настолько неприметная, что создаётся ложное впечатление, что в доме всё делается само по себе. Даже из кухни не слышать привычной возни и бряцанья. Ни шагов, ни разговоров. Мне приходилось несколько раз встречать горничных, спешащих по своим делам. Все они молоды и чрезвычайно вежливы, любезно отвечают на расспросы и исчезают так же внезапно, как и появляются.

Царящая в доме тишина как нельзя лучше способствует отдыху. Днём мы с Виктором наслаждаемся местными красотами, катаемся на лодке, а вечером участвуем в народных гуляниях, сопровождаемых песнями и плясками. Честное слово, мы веселимся от души!

Я наблюдаю горы со стороны, и мне они не кажутся такими уж неприступными. Нам удалось разыскать гида, согласившегося провести нас через несколько горных перевалов. Его зовут Йоэл Фальк. Как мне кажется, это простодушный малый, ничуть не старше Виктора. К моему величайшему удовольствию, оба они сговорились пропустить по

кружечке пива в здешней таверне сегодня вечером, оставив меня в покое. К несчастью, у меня нет никакого повода для ревности, как и шанса расстаться с Виктором добрыми друзьями. Это плохо, с какой стороны не посмотри. Потому, что даже я не могу игнорировать тех изменений, которые происходят со мной в последнее время. Я чувствую усталость, *Л.*, какой не испытывала никогда прежде. Беспричинный жар или холод, лёгкое головокружение, внезапная грусть. Я стала больше есть сладкого! Меня тешит мысль, что все эти необычные ощущения вызваны действием горного воздуха, но, боюсь, именно так к женщине подкрадывается старость. С истинно кошачьей осторожностью она подбирается всё ближе и ближе, пока однажды, взглянув в зеркало, ты не увидишь на своём лице морщины, глубиной в Гранд Каньон.

Увядание огорчает меня.

Но не больше.

Старость не сделает меня ни мудрей, ни степенней. А значит, во мне и дальше будет теплиться нечто такое, что само по себе делает человека молодым и не подверженным приступам старческой хандры.

Ну, будет!

Представь себе, я изобрела совершенно новый способ определять дни недели!

По субботам, вторникам и четвергам приходит молочник.

В среду и пятницу – мясник. Причём, в среду он непременно приносит птицу, а в пятницу – говяжью тушу, которую выгружают на заднем дворе перед чёрным ходом.

Газеты доставляют также во вторник, а по воскресеньям к обеду подают морковный пирог.

Таким образом, чтобы отличить субботу от четверга от наблюдателя требуется особая внимательность, так как в субботу происходит нечто вроде «домашнего собрания», состоящего из полного штата прислуги и возглавляемого фрау Кох. В то же время в четверг не происходит ровным счётом ничего. Исходя из этих наблюдений, я безошибочно могу определить, что сегодня именно среда, довольно сырая по сравнению с той, что была на прошлой неделе. За окном моросит мелкий дождик, в комнате прохладно. Я кутаюсь в шаль, но по-прежнему шлю пламенный привет.

Верная тебе *Ф.*

**Мисс Л. Бергер
5 Третья Авеню
Нью-Йорк.
США**

Дорогая *Л.*!

Я бы сетовала на то, что в бочке мёда вдруг затесалась скромная ложка дёгтя, если бы мне так не приелось сладкое. Я даже рада этому происшествию, неожиданному, скрасившему здешнюю пасторальную идиллию, поэтому опишу его во всех подробностях.

Несмотря на середину лета, после трёхдневного периода дождей холод наступил пронзительный. Не далее, как вчера я возвратилась в комнату после завтрака, чтобы взять перчатки перед традиционной утренней прогулкой. Виктор остался внизу, в то время как я поднялась наверх. Ещё проворачивая ключ в замочной скважине, я услышала за дверью необычный шум и поспешила войти.

Только представь: окно разбито, а по комнате носится с десяток чёрных ворон! Уж они-то точно не ожидали моего появления, так как переполошились ужасно и издавали громкое, хриплое карканье. Запертое в четырёх стенах, оно казалось тем более отвратительным, а их глотки напоминали знаменитые иерихонские трубы. Эти птицы были возмущены моим бесцеремонным вторжением ничуть не меньше меня самой. Они летали так низко над головой, что обдавали лицо порывами ветра и задевали за волосы, выдёргивая отдельные пряди.

К счастью, моя растерянность не длилась дольше минуты, и я замахала на них руками, громко крича: «Кыш!». Нескольких мне удалось потеснить к окну, и они вылетели сквозь разбитое стекло, кроша его и рассыпая осколки. Прочие же продолжали метаться по комнате, никак не желая улетать.

Что тут началось! Птицы врезались в стены, запутывались в занавесках, сметали на пол всё, что попадалось на их пути, и кричали так, будто их живьём бросали в бульон. Гонка не на жизнь, а на смерть! Они совсем меня измотали, и, в конце концов, я плюхнулась в кресло, хохоча от души! А они – будь покойна! – расселись напротив на спинке кровати и поглядывали на меня с неподдельным изумлением. Ума не приложу, что их удивляло больше: мой смех или моя бесцеремонность?

Именно в этот момент в комнату вбежал Виктор в сопровождении фрау Кох и нескольких горничных. Увидав, что к противнику прибыло неожиданное подкрепление, птицы сочли разумным оставить поле боя и ретировались.

Кажется, только тогда я немного пришла в себя и огляделась. В комнате царил невообразимый хаос: всё покрыто птичьим помётом. Отвратительные белые пятна были размазаны решительно повсюду. Виктор нежно сжимал мою руку, а девушки в белых форменных чепцах и передниках не двигались с места, ожидая приказаний. Фрау Кох еле сдерживала огорчение.

– Возмутительное происшествие, – взяв себя в руки, изрекла она. – Приношу свои искренние извинения и заверения в том, что больше ничего подобного не повторится.

– Что за глупости! – запротестовала я. – Мне давно не было так весело!

Казалось, на этом инцидент полностью исчерпался.

Вернувшись с прогулки, мы нашли нашу комнату убранной и вычищенной до блеска, а окно отремонтированным, чего, пожалуй, и следовало ожидать. Но десятью минутами позже меня ждала очередная неприятность: золотое обручальное кольцо, лежавшее в шкатулке, исчезло. И поскольку ещё несколько часов назад та была перевёрнута, и всё её содержимое вывернуто наружу, я немедленно предположила, что оно укатилось или под стул, или за стол, или ещё куда-нибудь. Но поиски ничего не дали. Я и мысли не допускаю о том, что его взяла какая-нибудь из горничных, особенно учитывая то, что в шкатулке хранились и более ценные вещи. Они скорее бы привлекли внимание вора, чем эта чрезвычайно простая вещь, единственным достоинством которой являлся небольшой вес. Совершенно ясно, что кольцо унесла птица.

Виктор здорово расстроился. Я бросила поиски давным-давно, а он ещё продолжал искать, совершенно подавленный и измученный. Что касается меня, то я не придаю этой потери большого значения. Хотя наличие кольца достаточно символично. В былые времена оно служило символом удачного завершения коммерческой сделки, когда женщину «покупали» для нужд дома мужчины. Этот обычай зародился на Востоке и дошёл до наших дней почти в первозданном виде. Тем более, ношение кольца неуместно в *моём* случае, так как «товар» со всем, что к нему прилагалось, во много раз превышал покупательную способность жениха, вынужденного приложить к собственному скромному достатку цветущую молодость и упорство.

Я утешала Виктора, чем могла. Гладила по голове, ощущая себя его матерью, а заодно раздумывала над тем, что бы чувствовала по отношению к собственному сыну.

Я истратила на него столько нежных и ласковых слов, что настроение его улучшилось, и я тоже смогла вздохнуть с облегчением.

Но вот что действительно удивительно: на ковре я обнаружила хлебные крошки, словно кто-то намеренно приманил птиц.

Очевидно, фрау Кох всё ещё ощущала перед нами неловкость, так как уже после обеда пригласила нас на совместный ужин. Мы вели непринуждённый разговор, отчего черты хозяйки гостиницы немного смягчились. Нрав её несколько оттаял, но ожидаемой лавины сердечных откровений не последовало. Я и словом не упомянула о пропаже, зато сообщила ей о необычной находке и своих подозрениях. И как будто по волшебству всё снова вернулось на свои места! Лицо фрау Кох застыло. Она выговорила очень твёрдо и разборчиво: «Этого просто не может быть». При этом её указательный палец скользнул в петлю, образованную нитью жемчуга, завязанной на конце в крупный узел. Что мог означать этот жест? Раздражение? Гнев? Растерянность? Даже Виктор, заметив разительную перемену к худшему, счёл нужным перевести разговор на другую тему, вдруг став превозносить мою смелость и отчаянность. С каким восторгом он рассказывал о том, как в лесах Синхараджа я собственноручно подстрелила огромную летучую мышь, кружившую над нашим палаточным лагерем!

Далее разговор зашёл о тебе, и досточтимая хозяйка этого гостеприимного дома со странностями выразила искреннее удивление тому, что мы знакомы. Фрау Кох весьма скупой поинтересовалась твоей судьбой и осталась вполне довольна ответом, в то время как обо мне её мнение, кажется, окончательно испортилось. Эта высоконравственная особа почитает честный труд превыше всех прочих человеческих достоинств, и с пренебрежением относится к тем, кто с рождения имеет всего в достатке. Конечно же, она никогда не позволит себе высказать это прямо, переступив границу приличий. Но сам её вид, эта габсбургская невыразительность, помалу изменяющаяся при виде очередного баловня судьбы в сторону едва заметного презрения, мне замечательно знакома. В её глазах я предстаю если не эталоном, то ярчайшим представителем золотой молодёжи, этаким прожигательницей жизни, чьё будущее обеспечено с самого момента рождения.

Ей прекрасно известно, что я как раз из тех, кому нечем заняться. А точнее, тех, кому вообще нет необходимости трудиться, чтобы заработать на кусок хлеба. Конечно, в мире предостаточно занятий, которые могут помочь облегчить совесть таковым, как я. Занятий если не прибыльных, то хотя бы богоугодных. Например, благотворительность. Но, к всеобщему несчастью, я – не филантроп. Таким образом, с точки зрения фрау Кох, я совершенно лишена достоинств, и сознательно ничего не делаю для того, чтобы стать полезным членом общества.

Но даже тогда, когда я ничем не занимаюсь, я испытываю вечную занятость тем, что, по мнению многих, нельзя назвать полезным занятием. Как ни странно, я также не склонна к порокам и излишествам. Только к безрассудным скитаниям. Богатство является для меня волшебным ключом, приоткрывающим дверь в мир, полный чудес. Увы, я не могу поделиться тем, что и так принадлежит всем и каждому – правом созерцать Вселенную вокруг себя с безмолвным восхищением.

Так много ли в этом вины? Что, если именно это и предопределено мне Господом, и ни на что другое я не годна?

Помалу страсти за ужином улеглись, и каждый про себя решил больше не поминать о случившемся сегодня.

Но это была пятница. А в субботу на еженедельном собрании случился разговор, о котором я не могу не упомянуть. Конечно же, меня там не было, но я проходила мимо, а за закрытой дверью кипели такие страсти, что все разговоры слышались претотлично. По возможности, я передам тебе их суть.

Разговаривали двое, хотя я уверена, что в комнате было полным-полно народу (из-за вздохов, причитаний и даже нервного мужского покашливания в сторону). Фрау Кох, как всегда, председательствовала:

– Как такое могло произойти? – провозглашала она. – Потрудитесь-ка объяснить.

– Это моя вина, фрау Кох, – отвечал ей тихий невнятный голос, настолько перепуганный, что я едва разобрала слова.

– Все мы здесь – одна большая семья. Эта истина так проста, что пора бы вам её усвоить, фройляйн Леманн. Единственная ошибка, допущенная одним из нас, способна погубить репутацию каждого.

– Этого не повторится, – оправдывалась провинившаяся, и голос её стал ещё тише.

– Вспомните, как я подобрала вас на улице в столь незавидном положении. Ваша семья отказалась от вас, сочтя ваш позор слишком явным и оттого непростительным. Вы были в отчаянье. На грани катастрофы! Но я сжалилась над вами, предоставив не только работу, но и кров. Я позволила вам оставить ребёнка, рождённого тут же, содержать его с тем условием, что он не будет путаться под ногами у постояльцев.

– Я сожалею...

– Этого мало.

– Я возьму на себя всю ответственность. Уверяю вас..., – далее слова перешли в горькие всхлипы, и окончание фразы растворилось в них бесследно.

– Надеюсь, вы примите во внимание моё долготерпение, иначе наказания вам не избежать, – ледяным тоном заключила хозяйка, и шепот сидящих в комнате моментально стих, как будто речь зашла о вопросе жизни и смерти.

На этом, полагаю, обсуждение закончилось, и я поспешила отойти от двери, чтобы не быть замеченной выходящими.

Что ты обо всём этом думаешь? Не правда ли, занятное происшествие? Выходит, вся история с птицами – не более чем результат обыкновенного ребячества. По правде говоря, мне жаль ту бедняжку. Я хотела бы поучаствовать в её судьбе. Положительно, я ничего не стану говорить о пропаже кольца.

Как удачно, что я не успела отправить письмо. Здесь действительно творится что-то невообразимое! Как-то я говорила тебе, что во мне давно зрела некая антинаучная гипотеза о том, что все события в мире складываются не сами по себе, а под воздействием человеческой личности. Сами о том не подозревая, мы изменяем материю и притягиваем именно то, в чём нуждаемся в данный конкретный момент нашей жизни. Учёные называют это закономерным результатом предшествующих действий, другие – интуицией, с которой человек безошибочно предугадывает будущее, но с какой стороны ни посмотри, стоит нам о чём-либо задуматься, как оно является тут же, в том или ином виде. И вот, несмотря на то, что эта гипотеза пока не подкреплена никакими доказательствами, я снова убеждаюсь в её правоте, как если бы речь шла о математической аксиоме.

Ты знаешь, о чём я мечтаю постоянно? О приключениях! Я не берусь судить, преследую ли я их, или они с завидным постоянством вторгаются в мою жизнь. Но оказавшись в деревенской глуши, я очень скоро ощутила, что вдалеке промелькнуло нечто небезынтересное, оставив после себя след из хлебных крошек.

Ты сидишь и гадаешь, что это может значить? Только то, что позавчерашняя история получила неожиданное продолжение. Да ещё какое! Только тебе известно, насколько я далека от мистики, но готова поведать тебе такое, от чего волосы на голове становятся дыбом.

Так вот, тропа, по которой мы собирались идти в горы – я, Виктор и мистер Фальк – размокла и стала скользкой. Идти по ней – самоубийственный поступок, к каким я сознательно не склонна. И поэтому вместе мы приняли единственное верное решение – отложить поход на некоторое время. Немного разочарованная, я оставила Виктора внизу курить трубку и пересматривать старые журналы, а сама поднялась наверх, чтобы принять горячую ванну и доставить этим себе хоть сколько-нибудь удовольствия.

Многие считают принятие ванны днём чудачеством. Якобы правильнее это делать перед сном и не более десяти минут. Руководствуясь этим принципом можно бесконечно отказывать себе в удовольствии, а подчинив ему жизнь, сделать её невыносимо пресной.

Ещё на лестнице я услышала на втором этаже шаги. Быстрые и громкие, они стремительно удалялись. Учитывая, что все горничные скользят по здешним коридорам, словно тени, а сама фрау Кох передвигается твёрдой солдатской поступью, которую ни с чьей больше не спутаешь, неизвестная пара ног, издающая такие непривычные для этого тихого места звуки, принадлежала кому-то другому. Детские шаги! Я получила тому неопровержимые доказательства, когда посреди длинного коридора увидела владельца этой замечательной пары.

Начнём с того, что они были обуты в тяжёлые башмаки, давно вышедшие из моды и на два размера больше. Чуть выше следовали подвёрнутые до колен брюки, изрядно поношенные и подпоясанные вытертым кожаным ремешком. Пожелтевшая, застиранная рубашка не имела верхней пуговицы, выставляя на обозрение худую тонкую шею, венчавшуюся крупной головой с густыми взлохмаченными волосами. На один глаз счастливого обладателя завидной шевелюры сполз серый кепи, но другой – чёрный и пронзительный – смотрел на меня с надменным любопытством здешнего старожилы.

Это был мальчик лет десяти, не больше.

В одной руке он держал ломоть хлеба, а другой крошил его прямо на пол.

Это был вызов, Л! Не знаю как, но я почувствовала это. Я окликнула его с того места, где стояла, дав понять, что вызов принят, и с азартом ввязалась в игру. Признаюсь, я ни на секунду не усомнилась в том, кто именно стоит за таинственным проникновением птиц в окно моей спальни и возможным похищением кольца. И если суть игры состоит в том, чтобы догнать мальчишку и выпытать у него хотя бы имя, я сделаю это с лёгкостью.

Дабы ты поняла причину моей уверенности, следует упомянуть, что сам коридор длиной был не более двадцати пяти футов, и большинство комнат с той и с другой его стороны запирались на ключ из-за временного отсутствия жильцов. Таким образом, задача представлялась мне проще некуда, а ставка делалась вовсе не на прыткость догоняющего, а на его осведомлённость.

Тем не менее, мальчуган оставался на месте, сунув руки в карманы и вальяжно переваливаясь с носков на пятки. Он скалился от уха до уха, демонстрируя отсутствующий передний зуб и наблюдая за мной с не меньшим любопытством. Но стоило мне сделать к нему первый шаг, как вдруг он сорвался и бросился прочь!

Как он мог ожидать, я не бросилась следом, а пошла шагом, уверенная в своём превосходстве.

У меня была гувернантка. Как мне мечталось тогда, чтоб она однажды свалилась с лошади и сломала себе шею! От неё я совершенно точно знала, за что можно так ненавидеть взрослых. Что может вывести из себя и привести к полной потери контроля. И сейчас, покоробленная этим сравнением, я действовала именно так, как действовала бы она. Я не давала ему и шанса заподозрить меня в беспомощности, полностью беря инициативу в свои руки.

Я шла за ним, но как-то небрежно, намеренно останавливаясь у длинных, в пол, зеркал, поправляя то шарф, то причёску, намеренно замечая развешанные на стенах картины в металлических рамах, но не упуская из виду ни одного угла, ни одного закоулка, где бы он мог спрятаться, умело направляя его сделать единственно возможным выбор – скрыться в одной из пустых комнат.

И он так и сделал. Достигнув тупика, мальчишка резко свернул направо и исчез за одной из дверей.

Сначала я ошиблась, предположив, что за нею находятся ещё одни апартаменты, но, подойдя ближе, уверилась в том, что дверь ведёт в чулан – уж настолько она отличалась своей простотой. Кое-где белая краска на ней облупилась, обнажая предыдущий слой неожиданного изумрудного цвета.

Торжествуя, я потянула за ручку, полностью убеждённая в том, что за дверью не скрывается тайный ход, а только несколько швабр, прислонённых к стенке, да сорванец, притаившийся в самом тёмном и неприметном углу.

Пожалуй, это всё, что я могла тогда предположить, поэтому увиденное привело меня к глубочайшему потрясению. Стоило свету от коридорных ламп проникнуть сквозь щель отворяемой двери, как он тут же обнаружил перевернутый треногий табурет, беспомощно лежащий на боку. Но над ним – моя дорогая, сейчас ты не поверишь! – висело тело молодой женщины! На ней был форменный передник, безошибочно указывающий на род занятия. Посеребрившие и безжизненные, её руки свисали вдоль тела, а лицо пряталось под потолком так, что его невозможно было разглядеть. Всё, что успело запечатлеть моё сознание, – свешивающийся с потолка конец верёвки да круглый серебряный медальон, поблёскивающий на груди у повешенной.

Не удивляйся! Так уж получается, что в самый критический момент наша память лучше всего запечатлевает незначительные детали, которые позже ещё долго являются в ночных кошмарах.

Я не боюсь мертвецов, хотя смерть полна отвратительных подробностей. Мне приходилось бывать на Филиппинских островах, где покойника обряжают в самый лучший костюм и усаживают на стул перед домом, в котором он жил. Ему дают в руку стакан кокосовой водки и оставляют в таком положении до тех пор, пока признаки разложения не станут явными, а соседство с ними – невозможным. Заезжие туристы часто путают это пугало с куклой и фотографируются на фоне экзотической композиции, похлопывая усопшего то по плечу, то по спине. Но стоит им узнать, в чьей компании оказались, как они нередко лишаются чувств. Это обыкновение касается в равной степени как женщин, так и мужчин.

В то же время на острове Сулавеси, отделённом от знаменитого Барнео Макасарским проливом, истари существует обычай не считать покойного таковым до самого момента похорон. С ним беседуют, словно он не умер, но болен, приносят лекарства и еду, в которых он давно не нуждается. Такое отношение может сохраняться около года, пока семья не соберёт достаточно средств на достойные похороны, после чего уже не возникает необходимости здороваться с усопшим, каждый раз переступая порог дома и расспрашивать его о самочувствии.

Уверена, родись мы в стране такой же дикой, воспринимали бы эти странные обычаи как нечто обыденное, и они не внушали бы нам столько отвращения. Воистину, мы, цивилизованные люди в своём большинстве, и понятия не имеем, что ради сохранности мёртвого тела возможно использовать обыкновенный столовый уксус и даже крепкий чай, способствующий быстрой мумификации останков.

Но хватит о мерзости! Тебе покажется, я храбрюсь, но признаться, даже я была поражена настолько, что немедленно захлопнула дверь. А прижав её обеими руками, громко позвала на помощь.

Гордись мною, Л., я переполошила весь дом! Уже через минуту вокруг собралась порядочная толпа. Лица людей выражали искреннюю обеспокоенность. А Виктор! Виктор! Он крепко сжимал меня в объятьях, не то боясь, что я рухну в обморок (неужели я так плохо выглядела?), не то опасаясь, что упадёт сам. Даже обыкновенно невозмутимая фрау Кох выражала беспокойство, безжалостно настаивая на том, чтобы ей немедленно разъяснили причину беспорядка.

Чтобы обойтись без лишних объяснений, я распахнула перед стоящими дверь!

И что ты думаешь? Чулан был пуст!

В связи с этим кто угодно испытает разочарование и возмущение. Но я, кажется, проявила ещё и настойчивость:

– Только что я видела здесь повешенную женщину, – объявила я. – За этой самой дверью!

– Повешенную? – повторила фрау Кох, и клянусь, ни единый мускул на её лице при том не дрогнул.

– Она была одета горничной.

– Здесь никого нет.

– Но я видела её собственными глазами! – утверждала я.

– Где же она теперь?

– Даже не представляю! – к несчастью, моя растерянность никак не способствовала утверждению истины. И я предположила, наверное, единственное, что возможно предположить: – Это могло быть привидение...

– Фрау Пикольт, в моей гостинице не может быть привидений. Вам померещилось, – и с этими словами она удалилась. Прислуга разошлась так же беззвучно, как делала это всегда, но я успела заметить, как многозначительно переглядываются между собой эти молодые особы. Но ни одна из них не произнесла ни звука, словно кошка откусила им языки.

Моя дорогая! Я не склонна к фантазиям. Но, клянусь тебе, я не сошла с ума. Я видела то, что видела. Но даже если я стала свидетельницей явления сверхъестественного, теперь, всё хорошенько обмозговав, я не столько испытываю страх (испуг был моментальный), сколько гордость от того, что вошла в число людей, имевших близкий контакт с потусторонним. А этим, сама знаешь, может похвастаться не каждый.

Сколько, по-твоему, существует *настоящих* домов с привидениями? По несколько на каждый штат. И это как минимум, если не принимать во внимание тех «печально известных», в которых совершались невероятные жестокости, и в которых призраки, если их никто и не видел, то «вполне могли быть». Мне посчастливилось побывать, по крайней мере, в двух.

Первый принадлежал дочери работорговца Дельфине Лалори. Пережив двух предыдущих мужей, она вышла замуж в третий раз за известного дантиста, преподнёсшего жене в качестве свадебного подарка дом на Рю Роял в Новом Орлеане, ныне превращённый очередным владельцем в музей ужасов и приносящий кое-какой доход. Дабы ты не гадала, что именно стало причиной слухов, скажу, что на чердаке дома супружеская чета устроила экспериментариум, где проводила не столько медицинские опыты, облагораживающие учёных мужей, сколько изощрённые пытки и казни, учинённые над чёрными рабами. В основном это были избиения, болезненные операции по ампутации конечностей, выгибанию суставов, жертвы которых, если переживали подобное надругательство над собственным телом, становились объектами для наблюдений, тайно содержащимися в клетках. С чердака непрерывно доносились душераздирающие крики, со слов зрителя музея, слышимые и по сей день. Считается, что призраки, питаемые ненавистью и памятью о прижизненных страданиях, никогда не покидают места их мучений, неожиданно показываясь ночью и даже днём, но ни разу при большом скоплении народа, словно чужое праздное любопытство разряжает напряжённую атмосферу дома, а живое дыхание не только поднимает клубы серого праха, но и относит их в небытие.

И если ты ещё недостаточно напугана – ведь время достаточно позднее – я расскажу тебе о ещё одном особняке, полном призраков. Некогда отец заключил очень выгодный контракт по импорту какао с Ямайки в Соединённые Штаты, и я вызвалась сопровождать его в качестве навязчивой молодой особы. Среди прочих достопримечательностей Монтего Бей однажды я набрела на полуразрушенное поместье, о котором ходило множество толков. В семидесятых годах XVIII столетия его построил богатый плантатор Джон Палмер, назвавший поместье в честь своей горячо любимой супруги, которая едва успела дать дому имя прежде, чем отправилась в мир иной. С этой минуты речь пойдёт о Роуз-Холле, известном не столько своим величием и изяществом архитектуры, сколько полнящемся самыми невероятными слухами.

Дожив до весьма почтенного возраста, Джон Палмер женился повторно на некоей Энни Мей Паттерсон, и, прожив вместе с ней несколько месяцев, отдал Богу душу.

Несмотря на то, что родители Энни были коренными ирландцами, сама она выросла на Гаити. Рано осиротев, девочка осталась на попечение своей няньки, владевшей секретами колдовства. Увы, мои познания в этом настолько скудны, что я просто не способна дать правильную оценку её психическому здоровью после такой серьёзной травмы, какой стала одновременная потеря обоих родителей. Однако именно это, как я думаю, пробудило в ней интерес к смерти и мукам. Будучи полновластной хозяйкой обширных плантаций и тысяч чернокожих рабов, она находила особое удовольствие в ломании пальцев и выкалывании глаз. Все эти жестокости происходили во дворе её дома на глазах у множества свидетелей.

Уж куда я не решилась ступить, так это в подвал дома, где, по рассказам местных жителей, проводились магические ритуалы с принесением в жертву младенцев, отобранных у их матерей, дабы вызвать из могил живых мертвецов – молчаливых исполнителей чужой воли.

К счастью, чары – были они или нет – не помогли этой женщине избежать жестокой расправы, последовавшей за массовыми пытками и убийствами рабов. Энни Мей забили до смерти те, над кем она имела безусловную власть, а труп вынесли во двор, категорически отказавшись хоронить и не допуская к нему представителей местной власти. Спустя неделю его внесли в семейный склеп Палмеров, совершив положенные обряды, чтобы ведьма не воскресла. Но и после её призрака не раз видели в Роуз-Холле, куда после всех печальных событий редко кто заглядывал.

Правда, существует и более, на мой взгляд, достоверная версия того, что произошло в доме. Там случился пожар, и его хозяйка погибла в огне. Стены сооружения так повредились, что его никто не желает восстанавливать в прежнем виде из-за высокой стоимости красного дерева, которым внутри отделано решительно всё – от мебели до потолка.

Не имея большого опыта посещения подобных мест, я вопреки молве не встречала ни одного привидения и меньше всего ожидала увидеть его здесь. Но, видно, даже это райское местечко хранит немало скелетов в шкафу, которые способны нанести непоправимый урон его репутации.

Не будь фрау Кох так зациклена на безупречности реноме, и имей хоть толику находчивости, она бы несомненно смекнула, какую выгоду могла бы извлечь из владения *настоящим* привидением.

Конечно, ты попеняешь мне, что все эти разговоры – в духе Оскара Уальда, высмеивающего американскую предприимчивость. Но согласишься, это место имело бы грандиозный успех, если бы слава – пусть и дурная – разошлась о нём по свету.

Ах, да. Во всей этой суматохе я забыла про мальчишку. Ума не приложу, куда он подевался. Как и все шалопаи его возраста, он наверняка посвящён в тайны, о которых мы, взрослые и понятия не имеем. Вид самоубийцы мало кого может привести в восторг, но вот её история – пугающая и тем притягательная – пересказывается шепотом, в полутьме, от безрассудного детского желания пощекотать нервы другим и выставить себя таким героем.

За этим позволь мне закончить,

твоя, уже не настолько убеждённая в скептицизме, Ф.

Мисс Л. Бергер
5 Третья Авеню
Нью-Йорк.
США

Дорогая Л.!

Кажется, я подхватила простуду. Всё это началось после нашего похода в горы. Мы собрали немного провизии, кое-что из снаряжения и пуховые спальные мешки, не планируя задерживаться более одних суток. К чести сказать, мы поднялись на довольно внушительную высоту (о, это было далеко не Монблан, а некая безвестная гора, не имеющая даже собственного имени) и ощутили все прелести походной жизни, ночью продрогнув настолько, что я диву даюсь, как мои замёрзшие ноги не переломились о камни, когда мы спускались вниз. Честное слово, я не ожидала, что летом здесь может быть так холодно, и готова признать первую попытку покорения Альп неудавшейся. Заверив себя, что это только начало блистательного восхождения, я скатилась в долину, как снежный ком, с совершенно посиневшим лицом. Ещё с вечера я ощущала лёгкое головокружение, а утром – озноб и головную боль.

Виктор спустился к завтраку один, настояв, чтобы я осталась в постели. И на сей раз, я оказалась покорнее гаремной одалиски. Мне принесли горячий куриный суп и, воспользовавшись случаем, я от скуки сделала то, чего не делала раньше, а именно – разговорилась с горничной. Я уже упоминала, что все они здесь тишайшие особы, не подающие голос без крайней надобности. Но стоило ей это сделать, как я сразу же узнала собеседницу:

– Вам нужно ещё что-нибудь?

– Разве что толику хорошего настроения, – улыбнулась я. – Видите ли, в детстве я отличалась отменным здоровьем. Тем более я любила болеть. Вам это кажется странным?

– Немного.

– А я обожала быть в центре внимания, когда все домашние суетились вокруг, поправляя то подушку, то одеяло. Любила запах чистой постели, пахнувшей лавандой; хорошо проветренной комнаты, когда сырость въедалась в мебель, и дерево приобретало ни с чем не сравнимый аромат. Каждые четверть часа меня просили показать язык. Мисс Леманн, вам приходилось когда-нибудь засыпать при электрическом свете? Нет? Мне разрешалось это только тогда, когда я болела. Я всегда была склонна к причудам..., – и в не менее доверительной манере поинтересовалась: – Как вас зовут?

– Каролин.

– Ваша семья живёт в Бергдорфе?

– Нет. Я родилась в Гриндельвальде.

– Давно вы работаете здесь?

– Около десяти лет.

– У вас есть сын?

При упоминании о мальчике она густо покраснела и почти сразу же побледнела.

– Иногда я слышу детские шаги в коридоре..., – пояснила я, и, видимо, зря, так как мисс Леманн стала бледнее мела. – Но вы не должны переживать по этому поводу, – поспешила уверить её я. – Учитывая ваше зависимое положение, я ничего не скажу об этом фрау Кох. Вы сделаете мне одолжение? – попросила я, когда она немного успокоилась.

– Да, конечно.

– Скажите, как его зовут? Вашего мальчика?

– Корнелис. Его зовут Корнелис, – снова краснея, произнесла девушка.

– Вы не могли бы передать ему, что мне будет приятно на досуге поболтать с ним?

Прежде он убежал так быстро, что я не успевала и слова произнести.

– Я передам ему. Благодарю вас, – сдержанно улыбнулась она, но не ушла.

– Вы хотите меня о чём-нибудь спросить? – догадалась я. – Спрашивайте, о чём угодно.

Но она продолжала тянуть и мяться.

– Если у вас есть вещи, которыми вы дорожите, прошу вас, запирайте их на ключ и никогда не оставляйте его в комнате.

– Я обязательно приму ваш совет во внимание, фройляйн Леманн, – пообещала я. – По правде говоря, я никогда не беру в поездки ничего ценного. Да и то, что было, кажется, растащили птицы...

На этом наша беседа окончилась.

Как видишь, я начала обростать связями, необходимыми в любом новом месте.

Мои дела идут, кажется, не так блестяще, как ожидалось. Обычная простуда оказалась не менее упрямой, чем я сама, и никак не хочет уступить тому душевному подъёму, который я испытываю при мысли повторить попытку скалолазания, на этот раз встретив все уготованные испытания с гордо поднятой головой. Высокая температура сменяется длительным упадком сил, и так изо дня в день. Ночью я мечусь в лихорадке, а под утро засыпаю блаженным сном праведника. Иногда сквозь тонкую завесу дрёмы я вижу необычайные вещи, которые, естественно, невозможно воспринимать ничем иным, как сном. В конце концов, моё воображение до того разыгралось, что явило нечто совсем уж странное.

Вот послушай: я лежала в постели, и мне казалось, что я не сплю (такое часто бывает именно во сне), а из огромного зеркала вдруг вышли сразу несколько девушек. Это были те самые горничные, которые обычно убирала в моей комнате и подавали на стол. Они двигались совершенно бесшумно, как это тут заведено, но на сей раз отсутствие даже малейшего звука было вполне оправдано. У них не было ног! Они свободно парили по комнате, сметая с полок и стен пыль и привычно орудуя метёлками. Иногда какая-нибудь из них бросала в мою сторону полный сострадания взгляд, как будто смотрела не на больную, а на умирающую.

Я была слишком слаба, чтобы заговорить или хотя бы пошевелиться, и, слава Богу, иначе заработала бы привычку разговаривать во сне. Все эти причудливые фантазии меня ничуть не напугали, но были по-своему милы и полны сочувствия.

Я рассказала об этом Виктору, и он смеялся до слёз. Какой же он, по сути, ребёнок!

Твоя не сломленная ни болезнью, ни скукой *Ф.*

**Мисс Л. Бергер
5 Третья Авеню
Нью-Йорк
США**

Дорогая Л!

Я проникла в тайну тайн этого дома! Я очень во многом ошибалась, но теперь всё как будто стало на свои места. До некоторого времени я действительно понятия не имела, что в нём происходит, и кто стоит за всеми этими странностями. Уверяю тебя, это знание может стоить мне жизни, и это, пожалуй, превосходно ужасно!

С тех пор, как я отправила тебе последнее письмо, прошло две недели и состояние моё ухудшилось. В Бергдорфе не оказалось врача, только старушка-травница, которую настоятельно рекомендовали местные, но на чей опыт по части медицины я не могла положиться. Виктор отправился за доктором в ближайший город, и уже трое представителей этой благородной профессии побывали у меня за прошедшее время. Слава Богу, их старания не пропали даром, и теперь я чувствую себя намного лучше. Настолько, что позволяю себе ненадолго выходить в сад и сидеть там на скамейке, с ног до головы укутавшись в шерстяной плед. Как только здоровье хоть немного поправится, я уеду отсюда, оставляя за спиной множество мрачных секретов.

Но ты ведь ничего не знаешь! До сих пор ты была убеждена, что ничего на свете не может потрясти твою возлюбленную Фиону. Но это не так. Все видения, домыслы и фантазии оказались правдой. Непостижимой. Тёмной. Душеспасительной.

Я расскажу тебе всё, о чём мне пришлось узнать. С некоторых пор я стала больше проводить времени на свежем воздухе. Нервное возбуждение придало сил, а звуки и цвета сделались невероятно яркими. В тот день фиалковое небо кололо глаза так сильно, что по щекам текли слёзы. Солнце ослепляло, насаженное на острые пики гор, и истекало прозрачной, холодной кровью. Зелёные луга качались, как море, вызывая слабые приступы тошноты, а всё из-за ветра, гонящего эти вялые волны, в которых таяла и тонула скотина. Размазанные фигуры овец, которых отнесло от спасительных берегов так далеко, что им не было никакого спасения, блеяли впереди, и их жалкие стоны врезались в уши. Решительно всё твердило об отращивании к жизни, которое я раньше никогда не испытывала. Вызванное многодневной лихорадкой, оно привлекало мысли о бесконечной усталости и слабости, владевшие мною в тот день. Но оставаться в комнате желания было ещё меньше, так как стены её напоминали стены склепа, где по неосторожности похоронили живого человека. Эти скорбные лица мадонн, эти плачущие ангелы, навещающие меня каждый день и интересующиеся моим самочувствием, заставляют меня лицемерить, отвечать неправду. Я улыбаюсь им и благодарю за лишнее беспокойство, а на самом деле ощущаю себя из рук вон плохо.

Виктор серьёзен, как никогда. Он подозревает воспаление лёгких. Он снова отправился за врачом, а в его отсутствие я теряю остатки самообладания. Единственный человек, способный утешить и излечить меня, это ты, моя дорогая. Иногда, в бреду, мне кажется, что достаточно лёгкого касания твоих губ к моему воспалённому лбу, чтобы температура спала и болезнь отступила под напором нежности. Моя единственная!

Хватит о грустном. По всей видимости, я впала в уныние, такое опасное для деятельных людей. Всё это я написала напрасно, с одной только целью рассказать тебе, как трудно мне приходится, и получить взамен несколько слов в утешение. Даже сейчас я вижу, как ты хмуришься и качаешь головой, проклиная моё вечное легкомыслие.

В тот день я устроилась около маленького фонтана, сток которого завален кучей старых, покрученных листьев. К счастью, вода не лилась из его лилейных чаш, иначе ветер плескал бы её мне в лицо. Я сидела, укутав руки в тёплое покрывало, и всё равно мои пальцы почти не гнулись от холода. Дабы ты понимала, это было скорее внутренним состоянием, чем внешним, так как после суточного пожара я обычно спускалась на самое дно ледяного ада, который сковывал все движения. Именно поэтому мир вокруг я наблюдала с некоторой болезненной отстранённостью, и даже сейчас не смогла бы толком объяснить, почему бросилась следом за мальчишкой.

О, да! Я видела его. Это был сын фройляйн Леманн. Он выглядывал из-за угла сарая для хранения садового инвентаря. Не знаю, что уж на меня нашло, но я заставила себя подняться. Я окликнула его по имени, но он исчез моментально, как только оно достигло его слуха. Это безобидное ребячество вдруг вселило в меня волю к жизни, и я пошла за ним.

Сначала мои ноги дрожали так, будто до этого часа я никогда не ступала по твёрдой земле, а всю жизнь провела в инвалидном кресле. Меня ужасно напугала мысль о том, что, если не забота родственников, то болезнь пригвоздит меня к месту, и я утрачу былую мобильность. Но так и знай, даже с переломанными костями Фиона Уотс никогда не сдастся.

Взбодрившись, я пошла за этим пронырой так быстро, как позволяло подорванное здоровье, обогнула сарай и застала шутника далеко впереди, между тех старых сосен, которые я описывала тебе ранее.

Что это был за лес? Деревья в нём стояли на таком почтенном расстоянии друг от друга, что никогда не скрещивались худосочными кронами. Издали он напоминал дырявое рубище нищего, сквозь которое просвечивался посиневший горный хребет.

– Корнелис!

Я снова позвала мальчика по имени, и он спрятался за толстым стволом. Я побоялась, что здесь, на открытом пространстве, скорее потеряю его из виду, если он вдруг побежит и скроется за ближайшим пригорком. Поэтому ускорила шаг, и уже через несколько минут нас разделяло не более десяти футов. Я задыхалась. Сердце выпрыгивало у меня из груди, а он нахально улыбался, довольный своей выходкой или, по крайней мере, тем, что снова увлёл меня за собой. Его план сработал. Всё, что мне оставалось – действовать открыто, чтобы во мне, наконец, признали друга. Честно говоря, я понятия не имела, как завоевать доверие ребёнка, и, что не маловажно, зачем мне вообще это нужно делать?!

Но глубоко внутри я ощущала в этом особую потребность, скорее, выраженную в инстинктах, чем в сознательном желании. Ты же знаешь, я никогда не хотела иметь детей. Они стали бы обузой тому образу жизни, к которому я привыкла. Но я могла бы любить твоих, как своих собственных, ласкать их и слать им подарки на Рождество. Я была бы чудесной тётушкой, но никак не матерью, потому что это налагает на мою чересчур взбалмошную натуру слишком много ответственности.

Итак, я не знала, что сказать, пока он стоял передо мной, прислонившись к дереву и победоносно скрестив на груди руки. Мальчишка выглядел вполне довольным собой, пока я, запыхавшаяся и усталая, подбирала слова, как выбирают конфету из целого вороха пустых обёрток. И вот, когда нужная фраза уже вертелась на языке, он вдруг повернулся к широкому стволу лицом и стал карабкаться на дерево, как какая-нибудь белка!

Уверена, моя дорогая, в детстве ты была послушной девочкой, тогда как я часто огорошивала своих близких опасными выходками, в том числе и лазаньем по деревьям. Но делала я это в той манере, в какой обычно проделывают дети – ставя ногу на грубые наросты и цепляясь руками за ветки. Но никогда ещё я не видела, чтобы кто-то мог забраться по относительно гладкому стволу без специальных приспособлений, просто впинаясь пальцами в гладкую кору и – о, ужас! – оставляя на ней глубокие царапины!

Путешествуя, я повидала немало людей, в совершенстве владеющих собственным телом: способных ходить по горячим углям, спать на гвоздях, прокалывать себе язык и щёки, складываться подобно змее, чтобы поместиться в ящик не больше походного несесера. Но никогда раньше мне не приходилось видеть, чтобы локтевые и коленные суставы выгибались в противоположные стороны и двигались, как у паука, устремляющегося к середине вибрирующей паутины.

Я смотрела на это чудо природы с немалым удивлением, пока Корнелис совершенно не растворился в кроне. Я не теряла его из вида, но стоило моргнуть, как мальчишка просто исчез! Не уверена, что он перестал быть видим в низко висящей дымке, скорее попросту свалился вниз с другой стороны. Тем не менее, несмотря на обострившееся чутьё, я не услышала ни звука падения, ни стонов покалечившегося ребёнка.

Обойдя дерево со всех сторон, я, конечно же, не обнаружила пропажи. Пот выступил у меня на лбу, и я тяжело опёрлась о ствол, подозревая, что меня снова обвели вокруг пальца. Я сердилась на себя в гораздо большей мере, чем на сына горничной, потому как осознанно поддавалась обману. Но, подняв глаза вверх, неожиданно для себя увидела узкое дупло, в которое могла пролезть, разве что детская рука.

Не знаю почему, это ничем не примечательное отверстие заинтересовало меня.

Тебе ли не знать, какие тонкие у меня кисти. Они миниатюрны настолько, что меня часто высмеивали из-за слишком коротких пальцев, на которых любой украшенный камнем перстень смотрелся как огромный булыжник на шее узника, приговорённого к утоплению. И вот, наконец, мой недостаток сыграл мне на руку (как бы глупо это ни звучало), и я, не раздумывая, сунула свою весьма непривлекательную конечность в узкое, проделанное невесть кем дупло.

Ты затаила дыхание? Так сделай это немедленно, потому что в моём рассказе это самый занимательный момент. Остальное я стану повествовать с меньшим восторгом.

Среди кучи сопревшего мусора, за многие и многие годы превратившегося в мелкую труху, я без труда нащупала кое-что, что было туда намеренно положено, а точнее, спрятано от чужих глаз. А именно, я потянула за край цепочки и вытащила наружу серебряный медальон! Абсолютно круглый, с почти стёртыми временем завитками на крышке, он весь почернел и покрылся зеленой патиной. Хорошенько отерев от грязи и немало потрудившись над замком, я раскрыла его и ахнула! С одной из половинок на меня смотрела фройляйн Леманн. На коленях она держала ребёнка, которому было не более трёх лет, и чьё изображение повредилось почти до неузнаваемости, но даже это не стало преградой моей выдающейся проницательности.

Корнелис! Это был его тайник, в котором он хранил, вероятно, самую ценную для него вещь. Мне тут же пришло в голову, что он мог повесить медальон на шею и носить его на себе. Но по какой-то непонятной причине ему это не позволялось. Он прятал медальон здесь – предмет, ему не принадлежавший, и таковой, который я сочла нужным немедленно вернуть его матери.

Подобное украшение могла носить только женщина, и весьма возможно, оно было её единственной драгоценностью. Рассудив таким образом, я сунула медальон в карман твидового пиджака Виктора, который в последнее время служил мне верным защитником от холода и ветра.

Опустошать чужие тайники – большой грех в глазах Господа. Обыкновенно в них припрятано множество всякой нужной всячины. В детстве нам приходилось благоустраивать таковые в земле, предварительно выкопав неглубокую ямку, уложив в неё своё богатство и накрыв крупным бутылочным осколком. Чего там только не было! Канареечные перья, оторванные пуговицы, перламутровые бусины, обёртки от жевательных резинок, засушенные цветы, галька причудливой формы и секретные записочки с сердечными признаниями. Ты помнишь? Сохранить такой клад – большая удача.

Истратив на поимку Корнелиса последние силы, я решила поскорее возвратиться в гостиницу.

Представь себе, там было пусто и тихо, как в доме под снос. Я без сил опустилась в кресло, не представляя, как поднимусь на второй этаж. Вздых облегчения вырвался из моего горла, и это был единственный звук в пустой комнате. Я не видела и не слышала, как вошла фрау Кох, хотя всегда узнавала её тяжёлую поступь.

– Как вы себя чувствуете, фрау Пикольт? (Ненавижу, когда меня так называют, хотя Виктор, наверное, лопнул бы от счастья. Я была и останусь Фионой Уотс от рождения и до гроба!).

– Немного усталой, – призналась я. – Хотя мне намного лучше.

– Если хотите, я помогу вам лечь в постель, – предложила она.

– Вы очень добры, фрау Кох. Но прежде я искала фройляйн Леманн.

– Фройляйн Леманн?

– Кажется, она обронила медальон, а я нашла его, – и с этими словами я извлекла находку из пиджака.

Глаза фрау Кох сверкнули, и я списала этот блеск на её беспрецедентную любовь к украшениям.

– Вы позволите мне передать ей эту вещь? – предложила она.

– Я сделаю это сама.

– Вы настаиваете?

– О чём, собственно речь? – Этим я выразила ей крайнее удивление.

– Но вам нехорошо!

– Это пройдёт. Вы обеспокоены?

– Конечно, меня беспокоит благополучие моих постояльцев. Моя забота вам кажется слишком навязчивой?

– Нет, что вы! – всплеснула руками я, опасаясь её обидеть.

– Тогда позвольте отвести вас наверх. Отдайте мне медальон, и даю вам честное слово, что передам его фройляйн Леманн сегодня же.

– Но мне хочется сделать это самой! – воскликнула я. Мне показалось, что наша гостеприимная хозяйка еле сдерживается, чтобы не броситься и не вырвать его у меня из рук. – Вы не могли бы позвать вашу горничную?

– Которую?

– Разве не ясно? Фройляйн Каролин Леманн. Я не хочу видеть никого другого!

Клянусь тебе, её лицо позеленело от раздражения.

– Её здесь нет, – отвечала мне фрау Кох. – Я отослала её с поручением.

– Тогда я подожду, пока она вернётся.

– Позвольте, я провожу вас в кровать. Вам необходимо отдохнуть. Вы совершенно обессилили!

– Нет-нет. Не подходите, – вскинулась я. – Скоро вернётся мистер Пикольт. Возможно, я усну в этом кресле, дожидаясь его. Распорядитесь не беспокоить.

Я притворно прикрыла глаза, давая понять этой женщине, что самое время оставить меня в покое.

– Что ж, как пожелаете, – холодно произнесла хозяйка и удалилась, как мне показалось, совершенно взбешённая.

Сидя в кресле, я ещё какое-то время разглядывала медальон, то открывая его, то закрывая. Время изменило его в худшую сторону, стерев блеск. Но даже в этом жалком виде он был притягателен для фрау Кох, как извлеченные из земли сокровища Трои. Откуда столько настойчивости? Откуда гнев? Всё это оставалось до поры до времени мне непонятным, не говоря уже о том, что меня никак не покидало ощущение, что она следит за мной из какого-то тёмного угла.

Думаю, я просидела достаточно, чтоб усыпить её бдительность, а затем поднялась наверх, еле волоча ноги. Я в самом деле ощущала себя отвратительно, а этот бессмысленный спор только ухудшил состояние. Я отперла дверь комнаты, настроенная тут же запереться на ключ, чтобы избавить фрау Кох от искушения проникнуть туда, пока я сплю и отобрать (отобрать!) то, что лежало в кармане небезызвестного твидового пиджака.

Пора закругляться. Каждая строчка даётся мне с трудом. Настала пора подвести черту под всем повествованием.

Оказавшись в комнате, как мне думалось, наедине с собой, я с немалым удивлением обнаружила около большого зеркала две знакомые фигуры. Каролин Леманн и её сын Корнелис! У фройляйн было заплаканное лицо, а мальчик жался к ней, крепко обвив руками опоясанную белым передником талию. Я чуть сама не прослезилась, так трогательно они выглядели вдвоём, но тут же вспомнила о своей обязанности. Я извлекла из кармана медальон, как фокусник извлекает из шляпы кролика.

Никогда ещё этот замшелый фокус не вызывал у публики столько восторга! Лица обоих просияли от неподдельного счастья, и Каролин протянула ко мне руки, сильно желая прикоснуться к украшению и не осмеливаясь взять его. Её пальцы тряслись, а по щекам струились крупные слёзы. И вот тогда я взяла на себя смелость повесить ей этот злосчастный медальон на шею и разом покончить со всеми сомнениями.

Именно так я и сделала! И что ты думаешь? Уверенно обогнув шею, он свесился чуть ниже груди, рождая в моей памяти неожиданное ужасное сравнение! Ведь я видела подобное раньше! Там, в чулане, с пустыми вёдрами и опрокинутым табуретом, над которым болталась призрачная женщина! На её груди под густой тенью, накинута на голову чёрный покров, похожий на мешок, который надевают на голову осуждённого перед казнью, висел точно такой же медальон, сияющий и не испорченный временем!

Это сравнение покорило меня, и холод окончательно сковал мои руки, потому как, изливая безграничную благодарность, фройляйн Леманн, плача и неразборчиво бормоча,

покрывала их поцелуями. Её мёртвое дыхание обжигало кожу и пронизывало тело холодом, словно в него разом вонзались сотни острых иголок.

– Благодарю вас, благодарю! – шептала она, вдруг отрываясь от моих рук, теребя волосы на голове сына и целуя его в лоб. – Могла ли я когда-нибудь надеяться..., – От волнения она переходила то на немецкий, то на английский, путая и коверкая слава, и снова теребила мою руку в своих безжизненных дрожащих пальцах.

Но это ещё не всё, моя дорогая! Очевидно, привлечённые её сбивчивой речью или невидимыми глазу флюидами радости, из зеркала высовывались головы прочих девушек, служащих в этом доме. Некоторые молитвенно складывали руки, некоторые протягивали их ко мне сквозь стекло, беспрепятственно минуя твёрдую преграду, и говорили, говорили без умолку:

– Моё кольцо!

– Моё ожерелье!

– У вас есть что-нибудь для нас?

– Мой браслет! Ведьма отобрала его!

– Хоть что-нибудь! Пожалуйста!

– Верните нам наши вещи!

– И мне!

– И мне!

– Сжальтесь! О, сжальтесь!

– Моя брошка! Вы не видели мою брошку? Латунная! Она совсем ничего не стоит!

– Жемчужное ожерелье! Прекрасный индийский жемчуг!

– Часы! Верните часы! Прошу! Один раз у вас уже получилось. Спасите нас всех! Пока вещи остаются у этой страшной женщины, все мы находимся в её плену!

– Мертвы, но ни дня покоя! О, вы даже не представляете, что это значит!

Гул нарастал. Они кричали всё громче и громче, так что мне пришлось заткнуть уши. Но и тогда голоса не умолкали. Они настойчиво пробивались сквозь шум в ушах, перебиваемые гулками ударами сердца, пока две счастливые фигуры – мальчика и его матери – таяли прямо у меня перед глазами!...

...Виктор сказал, что нашёл меня лежащей на полу без чувств. Он перенёс меня на кровать и с сожалением уведомил, что доктор сможет приехать только завтра. Какая ерунда! Я ни часом больше не собираюсь оставаться в этом заколдованном месте. Конечно, стать избавительницей для невинных душ – миссия в высшей степени благородная, но в нынешнем состоянии здоровья она для меня слишком обременительна. Увы, я не та, кто способен гордо нести знамя освобождения. Мне стоило немало труда уговорить Виктора начать собирать чемоданы немедленно, но он согласился. Эта ночь – последняя, которую мы проведём в проклятом доме. Ты будешь смеяться, но ещё никогда в жизни я не чувствовала такую потребность в мужчине. Его присутствие успокаивает и внушает надежду на то, что в его компании я нахожусь в большей безопасности.

Верно, болезнь истощила мои нервы, и я мелю чепуху. Но так или иначе испытываю некоторое нехорошее предчувствие. Мало-помалу оно бодрит. Чем скорее мы уберёмся отсюда, тем лучше.

Твоя, не склонная к героическим поступкам, Ф.

Мисс Л. Бергер
5 Третья Авеню
Нью-Йорк
США

Дорогая Л.!

Видимо, это письмо – последнее. Очень коротко: я пропала! Мне хватило упрямства дотянуться до блокнота, который лежит тут же, на прикроватной тумбочке, и сжать между пальцами карандаш.

Фрау Кох была здесь. Только что. В этой самой комнате. Посреди ночи, со свечой в руке. Свет разбудил меня, но не Виктора. Он спит мертвецким сном. Может, он и впрямь мертвец, и я лежу рядом с остывающим телом. Как знать?

– Вы – расточительница, фрау Пикольт! – так она мне сказала. – Вы транжирите деньги, время, возможности, и, наконец, чужое терпение. Вы думали, вам всё позволено? Избалованная богачка! В этой бестолковой кутерьме, которую вы называете своей жизнью, вы, полагаю, забыли, что являетесь только гостем в этом доме, а, значит, не можете распоряжаться прислугой исключительно по своему усмотрению!

У фройляйн Леманн были обязательства передо мной. О, вы не могли об этом знать, верно? Вы никогда не вдаётесь в подробности. Хватаете только то, что лежит на поверхности, не утруждая себя доходить до сути. Так сказать, снимаете сливки, не стараясь разобраться ни в чём. Это и понятно! Для этого требуется усердный труд. Но вы, ведь, не привыкли трудиться!

Мне вас жаль, фрау Пикольт. К счастью, я могу оказать на вашу душу самое благотворное влияние. Ибо все мы, так или иначе, должны помогать совершенствоваться друг другу.

Вы хотите знать, что это значит? Прекрасно. Рада сообщить вам, что с завтрашнего дня вы положите конец праздному существованию и приметесь за работу. Вы станете частью большой и дружной семьи, где моральные ценности совершенно иные, нежели те, к которым вы привыкли. Я привью вам их, как прививают бациллу оспы, ради вашего же добра.

Фройляйн Леманн было угодно покинуть нас самым возмутительным образом и не без вашего в том участия. Поэтому вы займёте её место, – и она швырнула на кровать нечто, что я сначала приняла за белый погребальный саван, но что на самом деле оказалось белоснежным форменным фартуком. – А это, – и она поднесла к свече какой-то крохотный предмет – жёлтый и блестящий, – станет залогом вашей усидчивости.

Кольцо! Моё обручальное кольцо! Я совсем о нём забыла.

– Завтра же приступайте к своим обязанностям. И не думайте, что герр Пикольт сможет вмешаться. На первых порах вы будете невидимее ветра и безгласнее рыбы. Призраком, обделённым вниманием окружающих.

Отвернувшись, фрау Кох подошла к двери и, задув свечу, стремительно удалилась.

Милая Л.! Так или иначе, жизнь покидает меня. Вряд ли мне удастся дожить до утра. Я напишу на этом листке адрес с просьбой отправить его тебе при первой же возможности. Надеюсь, оно, в конце концов, отыщет свой адресат.

Не плачь обо мне. Я по-прежнему насмехаюсь над строгостью и тем, что принято считать общественной нормой. Если досточтимая фрау Кох думает, что сможет удержать меня с помощью кольца, её ждёт горькое разочарование. Эта вещь для меня ничего не значит. Моя душа остаётся свободной и верной только добровольному выбору, а не чёрному колдовству.

Любовь моя – чистейшая, не запачканная никакой пошлостью! Ты спасла меня в самый решающий момент жизни! Не думаю, что когда-нибудь смогу вернуть тебе этот долг. Но сердечная привязанность тем и хороша, что по законам сумасбродства ей ничего не даётся в заём. Прощай и вспоминай меня иногда,

вечно твоя Ф.

Фройляйн Л. Бергер
5 Третья Авеню
Нью-Йорк
США

Моя дорогая Лисбет!

Вероятнее всего, ваша память сохранила обо мне самые скудные воспоминания, и, прочтя на конверте моё имя, вы долго гадали, кто является его отправителем. Позвольте разрешить для вас эту загадку. Меня зовут Йозеф Рейнгольд. Я был университетским товарищем вашего отца, с которым мы вместе постигали тайны устройства человеческого тела и вредящих ему болезней. В последний раз вы могли видеть меня на его похоронах, но это печальное событие, очевидно, сделало вас не расположенной запоминать лица тех, кто пришёл проститься с вашим батюшкой. Волею судьбы нам уготовано это заочное знакомство, к несчастью, при обстоятельствах не менее печальных. К вашему сведению, я был именно тем доктором, которого герр Пикольт пригласил к своей больной жене в день её безвременной кончины.

Увы, я опоздал. Но свидетельствуя в своё оправдание, не могу не сказать, что, приедь я даже на сутки раньше, ничего не сумел бы сделать для её спасения. Диагноз, ранее поставленный моими коллегами, бывавшими у неё, был неправильным, и оттого она не получала необходимого лечения. Её болезнь зашла слишком далеко, и с этим, увы, никто не смог бы ничего поделать.

Я нашёл фрау Пикольт в её постели. К тому времени душа её уже отошла к Господу, и я велел послать за деревенским священником. Взяв заботы о теле, я остался ждать, пока тот не явится, и в этот момент заметил в руке покойной листок бумаги. Таким образом, я узнал о её последней воле и выполнил её в соответствии с желанием самой фрау Пикольт.

Это случилось ровно год назад. А значит, ровно год я не осмеливался тревожить вас, хорошо осознавая, что воспоминания могут причинить острую боль. Но по истечении срока траура, который вы сами себе отмерили, и в виду изменившихся ваших личных обстоятельств, я решил, что вполне могу написать это письмо.

Уж простите стариковское любопытство – неотъемлемое качество любого разумного человека, а тем более врача – прежде, чем отправить вам последнее послание фрау Пикольт, я прочёл написанное. И, надо сказать, содержание его настолько удивило меня, что стало поводом для другого письма – того, что вы держите сейчас в руках. Оно носило мистически-бредовый характер. Собственно, именно это и натолкнуло меня на мысль о том, что несчастная фрау Пикольт умерла вовсе не от воспаления лёгких. Конечно, прежде чем прийти к окончательному выводу, я узнал у герра Пикольта некоторые важные подробности о жизни его супруги, и только тогда заключил, что несчастная погибла от малярии.

Очевидно, вам гораздо лучше известно о той страсти, какую питала ваша подруга к дальним путешествиям. Ей удалось побывать в самых диких и отдалённых уголках Земли. Весьма возможно, что, путешествуя по Северной Африке, она, сама того не подозревая, заразилась редкой в наших краях болезнью, также известной как «болотная лихорадка». Её рецидивы больная переживала и раньше в менее острой форме и относилась на счёт обыкновенной простуды. Но малярия – болезнь коварная. Часто она проявляется почти сразу, но иногда может таиться в теле носителя до полугода, а то и дольше. Обычно, поражая печень и селезенку, она вызывает озноб, высокую температуру, головную боль. В ряде случаев также страдает мозг, что может послужить причиной появления ночных кошмаров и галлюцинаций.

Может статься, фрау Пикольт и раньше описывала вам какие-то необыкновенные вещи, которые она якобы видела или делала. Но уверяю вас, все это – не что иное, как следствие недостаточного мозгового кровообращения. Ничего подобного на самом деле

нет и быть не может. В последнее время, а особенно в последние минуты жизни, мир ей виделся полным угроз, а люди, окружающие её и желающие ей добра, – врагами. Прошу отнестись к этому с пониманием. Положение несчастной было до того безнадежным, что мы просто обязаны простить ей это заблуждение.

Боюсь, у вас остался тяжёлый осадок на сердце от одного только упоминания Бергдорфа, и, поскольку мы оба родом из этих мест, я считаю нужным внести некоторую ясность касательно особ, фигурирующих в том последнем письме.

С фрау Кох вы не были знакомы, хотя ей приходилось несколько раз слышать о вас. Она переехала в Бергдорф уже после вашего отъезда в Америку. Её отец – знаменитый ювелир – владел магазином в Цюрихе. Жена его умерла, и он сам воспитывал дочь в любви и строгости. Будучи девицей, Ингрид вела всю его бухгалтерию, а выйдя замуж в весьма зрелом возрасте за владельца гостиницы, перебралась в Бергдорф, став уже известной вам фрау Кох.

Всё это было давным-давно. Герр Кох умер где-то через год после женитьбы, которую считал более чем удачной, и фрау Кох осталась полновластной хозяйкой всего его имущества. К полнейшему несчастью, отец её также скоро покинул этот мир, оставив в наследство магазин. Став перед сложной дилеммой, вдова приняла трудное для себя решение продать ювелирную лавку, оставив во владении только гостиницу, от которой имела скромный доход. Но любовь к драгоценностям, внушённая с детства, никогда не проходила, чем, собственно, можно объяснить то огромное их количество, которое она постоянно носит при себе. Милая причуда, ничего больше. Но уверяю вас, она никогда не была ни алчна, ни жестокосердна. Напротив. Пережив две тяжёлые утраты, фрау Кох сделалась на вид сухой, но внутри осталась чрезмерно сентиментальной. Она предоставляет пищу и приют всем, кто в них нуждается, помогает бедным и жертвует из своих средств церковному приходу.

К слову, фройляйн Леманн как раз и была из тех, кому фрау Кох помогала абсолютно бескорыстно. Оказавшись в центре скандала, Каролин пришлось покинуть Гриндельвальд. Проще говоря, её выгнали из дому собственные родители, узнав о том, что их незамужняя дочь носит под сердцем ребёнка. Таким образом, фройляйн оказалась в самом что ни на есть затруднительном положении – без крыши над головой и средств к существованию. Она пешком пришла в Бергдорф, питаясь по дороге скудными подаваниями, и неожиданно для себя получила предложение стать горничной, на которое согласилась с огромной охотой.

Я часто бывал в доме у фрау Кох по разным поводам. И именно я принимал роды у Каролин Леманн. Новорожденного мальчика назвали Корнелисом. Из него вырос весёлый и бойкий парень, которому я часто привозил гостинцы.

В своём письме фрау Пикольт упоминала об её отъезде. Действительно, год назад фройляйн Леманн вернулась в Гриндельвальд вместе с сыном, полностью прощенная родными. Чтобы подтвердить правдивость этой информации, я лично навёл справки.

Как вы сами можете судить, ни о какой мистике тут речь не идёт. Увы, после долгих дней болезни сознание фрау Пикольт помутилось, и все события представлялись ей в неверном свете. Но как я уже говорил, не будем судить её слишком строго. Главное, я исполнил свою миссию, рассказав вам чистую, неискажённую правду. Надеюсь, моя многолетняя дружба с вашим отцом станет надёжным поводом доверять мне.

Напоследок позвольте поздравить вас с предстоящей свадьбой (я узнал о ней совершенно случайно от вашей матушки). Герр Пикольт не мог избрать себе более достойную спутницу жизни, ибо после всех треволнений, после тяжелейшего потрясения, пережитого им, вы стали его искренним другом. Общее горе сблизило вас. А ввиду того, каким состоянием вы нынче оба располагаете, думаю, жизнь ваша устроится наилучшим образом. Всё чаще я дивлюсь тому, как необыкновенно переплетаются человеческие судьбы, и как стремительно жизнь меняет своё настроение...

Но это, кажется, уже лишнее.

С самыми искренними пожеланиями всех благ, ваш друг,

Йозеф Рейнгольд.